7. *Ключевский В.О*. История сословий в России. Минск, 2004.

8. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. Гл. XI // Памятники русского права. М., 1957. Т. 6.

9. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. Гл. XXI. Ст. 98.

10. *Беляев И.Д*. Крестьяне на Руси.

11. *Смирнов П.П*. Челобитные дворян // *Греков Б.Д*. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М., 1954.

12. *Корецкий В.И*. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975.

13. *Маньков А.Г*. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.; Л., 1962.

14. Умысел устанавливался путем пытки.

15. Как один из признаков сословного неравенства Ключевский выделял то обстоятельство, что закон различно наказывает людей разных сословий за одни и те же преступления (*Ключевский В.О*. История сословий в России. Минск, 2004).

УДК 340.15

Гасанов Г.Р.

ИНСТИТУТЫ ОБЫЧНОГО ПРАВА АГУЛОВ. КРОВНАЯ МЕСТЬ И ПРИМИРЕНИЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВОЙ ЭВРИСТИКИ В С. ТПИГ)

В статье рассматриваются институты обычного права агулов: кровная месть и примирение; уточняются особенности механизма обряда примирения, в большей степени обращено внимание на сам институт кровной мести. Автором дана общая картина эволюции этого института в XIX веке. В целях расширенного исторического фона излагаемой проблемы особое внимание уделено работам таких ученых как П.К. Услар, В.И. Голенищев-Кутузов, О.И. Константинов, Н. Дубровин, А. Дирр, Б. Калоев.

In article common law institutes are considered. Blood feud and reconciliation. Features of the mechanism of a ceremony of reconciliation and institute of blood feud are specified. The author gives an overall picture of evolution of this institute in 19 century. In the course of a statement the author has paid attention to works of such authors as P.K. Uslar, V.I. Golenischev-Kutuzov, O.I. Konstantinov, N. Dubrovin, A. Dirr, B. Kaloev .

Ключевые слова: *народ, союзы, община, тухум, право, месть, примирение, старшины, сход, совет старейшин, народное собрание, штрафы, кровник.*

Keywords*: the people, the unions, a community, a sort, the right, revenge, reconciliation, foremen, a descent, the Sanhedrim, national meeting, penalties.*

¬Как известно, Дагестан – многонациональный регион, здесь живет много различных народов, том числе и агулы, которые известны еще с древнейших времен. Первое упоминание об агулах относится к VII в., когда в Армянской географии VII в., наряду с другими народами, упоминаются и «агутокани» [1, с. 37]. Второе упоминание о народах «рукушани», которых среди прочих народов Маслама обратили в ислам [2, с. 103 – 104], исследователями идентифицируется с агулами-кушанцами (кушандеринцами) на основании того, как называют их соседи. Сами агульцы кушандеринцами называют агульцев, проживающих на территории ущелья Кушан-дере, носителей кошанского диалекта агульского языка (сел. Буршаг, Арсуг, Худиг).

Отсутствие более ранних сведений об агулах не означает, что они как этническая единица сформировались лишь к VII в. н.э. Известно, что с IV в. до н.э. по V в. н.э. на территории современных Дагестана и Северного Азербайджана функционировало государственное образование Кавказская Албания. Античные авторы сообщали о 26 племенах и народах Албании, которые прежде управлялись отдельными царями. «Ныне над всеми царствует один царь, а прежде каждый народец с особым наречием имел своего царя» [3], – писал в I в.н.э. Страбон в

своей «Географии». Ни одно из называемых им в Албании племен исследователи не идентифицируют конкретно с агулами, но считают, что в состав племен гелов и легов, о которых в числе прочих говорит Страбон, можно включить современные лезгинские народы Южного Дагестана [4, с. 20], следовательно, в том числе и агулов.

Изучение институтов обычного права агулов потребовало при-влечения большого круга источников, в том числе и сочинений арабоязычных авторов. Среди них особо следует выделить сочинения ал-Баладзори, который описывает военно-политические мероприятия VI – VII вв. в связи с арабскими завоеваниями в Дагестане. Абу-Хамид ал-Гарнати широко освещает вопросы распространения ислама в Дагестане, локализации ряда раннесредневековых политических образований и их социально-экономическое положение. Большой интерес представляют сочинения ал-Куфи, где содержатся интересные сведения об арабо-хазарских войнах, деятельности арабских полководцев, маршрутах арабс-ких завоеваний, о «царствах» Дагестана; географические сочинения Хордадбеха; историка и географа ал-Масуди и других авторов.

Такие ученые, как П.К. Услар, В.И. Голенищев-Кутузов, О.И. Константинов, Н. Дубровин и др., писали о народах Дагестана, в частнеости, об агулах. После окончания Кавказской войны обильные материалы о народах Кавказа появляются в таких официальных изданиях, как «Сборник сведений о Кавказских горцах» (1868 – 1881 гг.), «Сборник сведений о Кавказе» (1871 – 1885 гг.) и сменившем его многотомном «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК, 1881 – 1929 гг.) – 46 томов; «Материалы по истории Дагестана и Чечни»; «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20 – 50 гг. XIX века»; «Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв.», содержащих документы Военно-исторического архива России и Центрального Военно-исторического архива Грузии, выявленные дагестанскими учеными.

За последние годы учеными проделана значительная работа по исследованию истории и этнографии народов Дагестана.

Однако данная проблема до сих пор остается слабо изученной, некоторые вопросы не исследованы и вовсе. Относительно агульского этноса подобная ситуация объясняется отсутствием в источниках достаточных сведений о них. Те же, что содержатся в отдельных исторических документах, географических описаниях, хрониках и других, чрезвычайно скудны и фрагментарны.

В исторической литературе на сегодняшний день нет работ, непосредственно посвященных комплексной разработке вопросов государственности и правовых институтов Агула. В недавно вышедшей книге Р.А. Насрулаева «Агулы – альфа и омега» [5] освещается отрезок истории агулов, связанный с раннесредневековым периодом. Особое внимание при этом уделяется обоснованию локализации раннефеодального политического образования «Филан», вопросам продолжительности пребывания в 1239 году монгольских войск в Агуле, поджога ими соборной мечети села Рича и др.

Следует отметить, что материальная культура агулов была описана ведущими дагестанскими этнографами, работы которых стали библиографической редкостью [6].

Обычное право агулов на сегодняшний день остается слабо изученной темой, если не считать историко-этнографических очерков, посвященных агулам. Начало научного исследования Агула относится к 50-м годам XX в.: в это время появляются работы замечательного исследователя Б.А. Калоева, одна из которых посвящена земельным отношениям у агулов в XIX – начале XX в., [7] другая – поселениям и жилищам агулов [8]. В обеих статьях впервые в дагестановедении автор освещает вопросы землевладения и землепользования у агулов, дает сведения об их хозяйственных занятиях, характеризует вопросы, связанные с заселением агулов, расположением поселений, описывает разнообразные типы жилищ, их внешний облик и внутреннее устройство.

Более обстоятельное исследование Б.А. Калоева увидело свет в 1962 г. [9]. В данной работе он дает краткие исторические сведения об агулах; более полно, чем в статье, характеризует их хозяйство, останавливается на традиционном семейном и общественном быте.

Кроме того, он подготовил статьи об агулах для сборников «Народы Дагестана» [10] , «Народы Кавказа» [11].

Отрывочные сведения об агулах содержатся в книге Х.Х. Рамазанова и А.Р. Шихсаидова, посвященной истории Южного Дагестана [12]. Самые общие данные об этом народе можно почерпнуть из

монографии М.М. Ихилова о народностях лезгинской языковой группы [13].

Наиболее полным исследованием об агулах является коллективный труд «Агулы» [14] (авторы Ш.М. Ахмедов, А.Г. Булатова, А.И. Исламмагомедов), в котором освещаются проблемы истории агулов, их хозяйство и материальная культура.

Следует еще отметить работы лингвиста З.К. Тарланова, агульца по национальности, появившиеся в последние годы. Это статья о некоторых религиозных воззрениях и соответствующих им обрядах у агулов с. Буркихан, а также монография об агульском языке, во вводных главах которой автор останавливается на некоторых вопросах, связанных с происхождением, историей, бытом и религиозными верованиями агулов [15].

Ценный материал по данной теме содержится в трудах Р.М. Магомедова, Х.О. Хашаева, Х.Х. Рамазанова и А.Р. Шихсаидова [16].

Ряд статей об агулах, их языке, литературе, истории и культуре опубликовано Ш.А. Мазанаевым [17]. С.П. Толстову, М.О. Косвену, С.А. Токареву и др. принадлежит ряд оригинальных трудов, посвященных общественному строю Кавказа и в частности Дагестана.

Обращение к соционормативной культуре агулов имеет важное значение и определяется тем, что именно в материалах полевого сбора находят отражение важнейшие вопросы правового, политического и социально-экономического развития агульского общества.

Обычное право направлено на регулирование общественных отношений в определенной местности для данной этнической или социальной группы населения. Важно отметить, что в роли средств воздействия выступает общественное мнение, являющееся принудительной силой по обеспечению адатов в случае их нарушения. Адат как регулятор поведения людей репрезентируется и через повседневную жизнь человека, и через все исторические формы жизнедеятельности, такие, как семья, тухум, этнические и социальные группы, джамаат, государство. Как известно, адаты являются важным источником для изучения не только историко-правовых процессов, но и истории права народов Дагестана, в том числе агулов.

Ввиду отсутствия письменных памятников у агулов мы в поисках информации проводили полевую эвристику. На территории Агула после распада удельных владений, в частности, Рича, Тпиг и др., по мнению М. Ибрагимова, образовались новые самоуправляющиеся социально-политические объединения, вошедшие в историю под названием «союзы сельских общин». Они представляли собой административно-политические единицы, образовавшиеся на территории бывшего раннефеодального государства Лакз. Селения в основном объединялись, сохранив языковой принцип расселения. Союзы сельских обществ были расположены по одноименным ущельям: кушанцы – в Кушан-дере, агулы – в Агул-дере и Курах-дере, также известном в источниках как Ричинский союз сельских обществ [18, с. 12].

По административно-территориальному признаку Агул в XVIII – XIX вв. делился на три союза сельских обществ:

в Кушан-дере входили сельские общества: Арсугское (Арсуг, Цирхе, Ху-диг, Буршаг), Яркугское (Яркуг, Кураг, Фите);

Курах-дере включал следующие сельские общества: Ричинское (Рича, Бедюк, Хоредж), Усугское (Усуг, Укуз, Гельхен, Квардал);

Агул-дере состоял из сельских обществ: Тпигское (Тпиг), Гоинское (Гоа, Дулдуг, Дуруштул), Хутхульское (Хутхул, Мисси), Буркиханское (Буркихан), которое во второй половине XVIII века было включено в состав Казикумухского ханства [19].

Рассмотрим некоторые адаты агулов, существовавшие в указанный период, у которых так же, как и у других народов Дагестана, были представлены и институты обычного права, в том числе маслиат и кровная месть. У горцев Дагестана, в том числе у агулов, малейшее оскорбление влекло за собой убийство, а последнее – месть. Поводом для кровопролития могло послужить нечаянное прикосновение мужчины к лицу, руке или даже к платью женщины, что считалось бесчестьем для нее и позором для ее родителей.

Немецкий исследователь А. Дирр писал: «… почти в каждом ауле, каждой сельской общине есть адаты, которые отличаются от адатов соседей, но лишь по второстепенным вопросам, как, например, высота штрафа, число свидетелей или присяжных и тому подобное. Обычное право везде определяет следующее: убийство может быть оплачено кровной местью или примирением на определенных условиях …».

По обычаям агулов, для вынесения решения по убийству собирались старейшины села и даже соседних сел и выносили решение – изгнать убийцу из селения. Этот обычай называли “хуриъас ккедикас”, “къандис къан аркъас, к1ил к1илихъас ес”. Так, например, в с. Тпиг известен случай кровной мести, где все началось из-за того, что в одном тухуме «Газгазар» парень взял в жены очень красивую девушку, на которую заглядывались многие парни села. Был неравнодушен к ней и самый лучший друг из тухума «Лагьманар». Как-то возвращалась с сенокоса молодая пара домой, нагнал их этот друг, поздоровался, какое-то время ехал рядом с ними (на коне) и ускакал. Муж ничего не заметил, но нашлись доброхоты, которые сказали мужу, что конь того друга наступил на край платка его жены (женщины-агулки носили большие платки, угол платка мог доставать до земли). Это было оскорбление чести. И началась кровавая бойня, которая унесла все взрослое мужское поколение с обеих сторон, война была такая, что замешано было почти все село. Рассказывают, что тпигцы пошли за помощью в соседнее село, чтобы они разняли, примирили, но те не отозвались [21].

Такое «оскорбление» редко прощалось. Иногда подобные «дотрагивания» практиковались и с определенной целью – отомстить жениху, отцу, брату девушки. Может как отголоски той поры, но и сейчас напряженные, неприязненные отношения между кем-либо называют иъэрна кант1ар суман ахьас «быть как кровь и нож».

В русле изучения этого института Ихилов писал: «Кровная месть возникала, прежде всего, на экономической почве: захват земли, кража скота и др., со временем к ней стали прибегать, обвиняя и за поступки, ничем не доказанные, за фразу, которую можно посчитать обидной и личным оскорблением…» [13].

Неотомщенное убийство называют в агуле гардандиъ къан ахьас (букв. «на шее долг, обязанность иметь»). Право кровомщения переходило от одного поколения к другому.

После убийства до первоначального обряда – указания канлы – все члены фамилии (тухума) убийцы не должны были показываться родственникам убитого из-за опасения быть убитыми [13, с. 20]. У других народов Кавказа также был определен механизм регулирования кровной мести. По мнению Дирра, если убийца скрывался от родственников убитого в каком-либо доме, то хозяин этого дома, если он не хотел навлечь всеобщее презрение, непримиримую месть беглеца и своего тухума, должен был взять его под защиту и в безопасности доставить его к родичам. Но за это он должен родственникам убитого заплатить двенадцатью так называемыми meri; kerva aker (т.е. кто спас врага. – Г.Г.) коровами, и причем немедленно, или, по крайней мере, дать заложников. Только лишь тогда уходят преследователи, осаждавшие его дом. За этих коров ищущий защиту должен заплатить своему защитнику [22, с. 149]. Нельзя отказать в помощи даже кровному врагу. То же самое Ковалевский сообщает об осетинах: убийцы находят защиту даже в доме того, кого они убили. Гакстагаузен говорит о том же самом народе: «Даже если бы гость был кровником, за ним ухаживают по-дружески», а это как раз говорит за наше понимание того, что дом хозяина является убежищем, и что долг защиты гостя теряет свою силу, как только гость отъезжает...» [23, с. 32– 33].

Интересен процесс примирения у агулов: в установленный день почетные старейшины мях1ял (магала. – Г.Г.), собравшись и рассмотрев обстоятельства преступления, назначали трех человек в «канлы» (убийцу и двух ближайших его родственников [24, с. 20]. Спустя несколько дней эти старейшины собирались вновь, штрафовали убийцу шестью головами рогатого скота и при этом освобождали от крови одного из троих, назначенных в «канлы», оставив только двух. Если требования старшины убийца не удовлетворял и противился уплате штрафа (шесть голов скота или их стоимость), то дом его предавался огню.

Примирение «баш-канлы» (основных кровников) совершалось следующим образом:

1. Если убит член слабого тухума, а убийца – человек зажиточный, но сильного тухума, то за кровь взимали имущество стоимостью в 600 рублей.

2. Если убит член сильного тухума человеком зажиточным, но слабого тухума, то убийца вместе с женой был обязан, взяв на руки своих детей, уйти из дома, оставив все свое имущество родственникам убитого, даже если оно было вдвое более цены крови (600 руб.) и, кроме того, должен был принять присягу в том, что у него, кроме оставленного в доме, другого имущества нет.

3. Если убийца был бедного состояния и не имел столько имущества, чтобы удовлетворить род-

ственников убитого, и родственники его (убийцы) не хотели ему помочь, а обиженные не удовлетворялись тем, что имел убийца, то последний до своей смерти оставался «канлы». В случае, когда несколько человек убивали кого-нибудь и в убийстве не сознавались, то каждый из них в отдельности должен был очиститься присягою сорока человек.

Если один из них не очищался, то только этот последний отвечал за кровь. При очищении лиц присягою из сорока человек 20 из них назначал истец поименно, а остальных 20 приводил ответчик по своему усмотрению.

Если член какой-нибудь фамилии был убит неизвестными лицами и родственники его подозревали кого-нибудь, то подозреваемый обязан был очистить себя присягою сорока человек: если он не очищался от подозрения, то с ним поступали, как с убийцею.

В обоюдных столкновениях, когда оба были убиты, засчитывалась кровь за кровь, а если убит был один, а другой ранен и, излечившись от ран, мог уговорить родственников убитого на мир, то плата за кровь взималась с него за вычетом расходов на лечение его ран. Штраф назначался в размере 6 голов рогатого скота или их стоимости.

Также были и другие варианты, которые относятся к очень давним временам, убийца мог примкнуть к груди матери убитого, это могло произойти без ее желания, и назывался он после этого бизин к1ирк1 или бизин чу – (букв. «грудной сын или грудной брат». – Г.Г.). В таком случае убийца считался уже братом, и его убить не имели права [25]. Если убийца находился в доме у убитого, обратившись либо за помощью, либо по другим причинам, в этом случае отмстить ему, то есть убить его, не имели права, пока он находился в доме.

Во многих союзах, в том числе и агулов, в те времена, когда кровная месть была безгранична, ответственность в союзе за преступления была солидарна в том смысле, что кровная месть могла коснуться любого члена враждебного союза. Однако это отнюдь не давало никакого преимущества мстящему клану, кроме удовлетворения жажды мести, разве только то, что враждебный союз становился слабее благодаря этому убийству. Такой обычай может существовать до тех пор, пока отдельные союзы пространственно действительно строго отделены один от другого; но только лишь в жизни племени возникает необходимость или возможность, заключающаяся в том, что два или несколько союзов вынуждены жить в пределах одних и тех же географических границ (села, долины, области и т.д.), то неизменно появляется потребность сгладить, где только возможно, подобные раздоры. И тут предоставляются, прежде всего, вероятно, две возможности: или преступника убивают взамен им убитого, или потеря, ослабление, понесенное союзом в результате этого убийства, возмещается другим, экономическим путем. Обе возможности претворяются в жизнь, но в большинстве случаев они связаны. Еще и сейчас есть сельские общины, где считается «неприличным» откупаться от убийства деньгами, где прилагают все усилия, чтобы кровную вражду уладить примирением. Но в большинстве случаев не уклоняются от того, чтобы купить примирение. Однако теперь ясно, что в случае подобного разрешения конфликта и в случае иного возможного разрешения, бескорыстного примирения [26], убийца, прежде всего, должен быть защищен от мести родственников своей жертвы. И не только сам преступник, но и весь союз, членом которого он является, до тех пор, пока он находится в кровной вражде, т.е. обычно его родные братья, дяди, племянники и дети [20].

Как видим, поводы для убийств и других преступлений, влекущих за собой кровную месть, иногда бывали совсем пустяковые, а кровная месть, к которой они приводили, захватывала несколько поколений людей и дли¬лась многие годы. В данном случае интересно обратиться к наблюдению А. Дирра: «…многое уже изменилось, и, главное, современные отношения на Кавказе (мы пишем в начале 1922 г.) свободны от некоторых старых добрых обычаев, но…признание вредности обычаев и окончательное их устранение – это две разные вещи. Но нас заинтересовало осветить дело так, как его видит сам народ…» [20].

Таким образом, институты обычного права, в частности, кровная месть на примере агулов показывает, что они имеют некоторые отличия, но в принципе у них много общего с институтами обычного права других народов Кавказа. С присоединением Дагестана к Российской империи под воздействием административных мер традиции обычного права, связанные с кровомщением, ослабли. Кровная месть официально была запрещена, преступник ссылался в Сибирь, в результате чего число случаев мести значительно сократилось.

Литература

1. См. Армянская география VII в. / Перев. *К.Н.Патканова*. СПб., 1877.

2. *Генко А.Н*. Арабский язык и кавказоведение// Труды II сессии ассоциации арабистов. М.; Л., 1941.

3. Страбон. Кн. IV, 5.

4. *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р.* Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964.

5. В источниках (русскоязычных) он отмечается с XIX века. Однако данные этимологического анализа свидетельствует о его более раннем происхождении. Сами агулъцы называют себя агъулар, т.е. «жители Агула».

6. Важным источником для данной статьи послужил полевой материал, собранный нами во время многократных поездок в Агульский и Дербентский районы. Кроме того, использован материал, который имеется в ЦГА РД, рукописные материалы Института истории, археологии и этнографии РАН РФ,а также материалы, содержащиеся в дореволюционной и советской исторической литературе, лингвистические данные.

7. *Калоев Б.А*. Из истории земельных отношений у агулов в XIX – начале XX в. // КСИЭ. XX. 1954.

8. *Калоев Б.А*. Поселение и жилища агулов // КСИЕ. XXIII, 1955.

9. *Калоев Б.А*. Агулы // Кавказский этнографический сборник III М.; Л., 1962.

10. Народы Дагестана. М., 1955.

11. Народы Кавказа. М., 1960.

12. *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р*. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964.

13. *Ихилов М.М.* Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967.

14. Агулы. Махачкала, 1975.

15. *Тарланов З.К*. Заметки по сельскохозяйственной магии агулов // СЭ, 1981, № 2. С.128-132; его же. Агулы: их язык и история. Петрозаводск, 1994.

16. Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая. Новая серия, т. XXIX. Кавказский этнографический сборник. *Сергеева Г., Волкова Н*. Кавказский этнографический сборник, «Советская этнография»,1963, № 1; 1936, № 3 / 4; *Юшков С.В*. К вопросу о границах древней Албании // «Исторические записки АН СССР. Т. 1, 1937; «Материалы по истории Чечни и Дагестана». Ч. 1, 1801-1839 гг., Махачкала, 1940; *Магомедов Р.М*. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII и начале XIX в. Махачкала, 1957; его же. История Дагестана. Махачкала, 1961; *Хашаев Х.О*. Общественный строй Дагестана в XIX в. м., 1961; его же. Памятники обычного права Дагестана. М., 1965; *Османов Г.Г.* Социально-экономическое развитие Дагестанского доколхозного аула. М., 1965; *Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р*. Очерки истории Южного Дагестана, Махачкала,1964.

17. *Мазанаев Ш.А*. Агулы // Советский Дагестан. 1990. № 4 и др.

18. *Ибрагимов И.Г*. Административное управление в союзах сельских обществ агулов в XIX веке // Известия Дагестанского государственного гуманитарные педагогического университета. 2011. № 1 (14).

19. Агулы. Махачкала, 1975. С. 3; *Алиев Б.Г*. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX вв.: Автореф. дисс. ... д-ра истор. наук. Л., 1987. с. 87 – 88.

20. *Dirr A*. Aus dem Qewohnheitsrecht der Kaukasischen Bergvolker. Zeitschrift fur Verglechende Rech Nissenschaft. 41. 1926.

21. *Гасанова Т.Д*. (1927 – 2008) рассказала мне историю о том, как два самых крупных тухума села Тпиг почти перебили друг друга из-за кровной мести.

22. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа, 2.

23. *Гакстгаузен.* Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. СПб., 1857.

24. Адаты южно-дагестанских обществ // «Сборник сведений о кавказских горцах». Вып. VIII. Тифлис, 1875.

25. Полевой материал автора с. Тпиг. 2008 год.

26. Раньше за убийство не платили никаких откупных денег, ограничивались лишь угощением и подарками семье жертвы, если удавалось помириться (сейчас, во всяком случае, откупная сумма составляет 300 рублей (Адаты Дагестанской области и Закатальского округа, с. 582).